

КЛАССИФИКАЦИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ

Данная глава посвящена описанию многообразия качественных исследований. В настоящее время их типология по разным основаниям достигает нескольких десятков. Поэтому исследователи-качественники пытаются ввести какую-то классификацию, описывающую сходства и различия подходов. Тем не менее, сегодня не существует единой системы, с которой согласилось бы большинство.

Подобная классификация может быть выстроена по критерию фокуса исследовательского интереса, принципу сбора данных или же по преимущественному использованию техники в одной из социальных дисциплин. В данной главе мы рассмотрим многообразие практического применения качественных методов с двух позиций: с точки зрения способа подхода к данным как разнообразие применяемых тактик и инструментов (КАК исследовать) и с точки зрения сфер применения (ЧТО исследовать).

ТАКТИКИ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

По тактикам качественного исследования нам кажется наиболее плодотворной комплексная классификация, предложенная Дж. Кресуэлом¹ [69]. Он сгруппировал тактики, основываясь на различиях в фокусе интереса исследователя, системности данного подхода, а также степени освещения его в научной литературе. Кресуэл выделяет следующие наиболее распространенные тактики: кейс-стади, этнографическое исследование, история жизни, феноменологическое исследование, grounded theory. К этому перечню мы добавили еще две: устная история и история семьи. Последние хотя и не имеют достаточного освещения в социологической литературе, однако активно используются в практике и имеют особый фокус интереса.

*Исследование отдельной общности — кейс-стади (case study)*² — традиционная тактика качественного исследования для изучения уникального объекта в совокупности его взаимосвязей. Таким объектом прежде всего может быть замкнутая общность, труднодоступная для изучения другими методами: «дно» общества (преступные группировки, бомжи, нищие), социальные элиты, религиозные секты. Объектом изучения может быть и трудовое сообщество: например, производственная или учебная группа. Объект интереса в кейс-стади имеет четко очерченные границы в социальном пространстве: узкий коллектив — бригада или завод в целом. Определяются также временные границы изучаемого объекта, совпадающие со временем проведения исследования: например, шесть месяцев, один год и т. д.

Для более глубокого изучения ситуации одновременно применяют разноплановые источники информации и интенсивные методы: включенное наблюдение, глубинные интервью, изучение официальных и неформальных документов. Общая схема такого исследования состоит в определении проблемы, контекста ситуации; вопросов, подлежащих изучению; формулировке выводов по принципу «какие уроки можно извлечь из данного случая». Такие результаты имеют прежде всего практическую направленность и являются значимыми для всех объектов, находящихся в сходной ситуации.

В тактике кейс-стади исследователи на протяжении длительного времени становятся участниками повседневной жизни данной группы, изучают систему взаимоотношений, значимость определенных событий [2].

¹ Джон Кресуэл, профессор, преподаватель университета в штате Небраска, в течение нескольких лет преподает студентам курс качественных методов. Его последний учебник по качественным методам «Qualitative Inquiry and Research Design» вышел в 1998 году в издательстве Sage. На его богатый опыт преподавания и последнее издание учебника мы в дальнейшем будем неоднократно ссылаться.

² В нашей литературе англоязычный термин case study стал общепринятым. Дословный перевод: «исследование случая». Возможно, термин пришел из судебной практики, юриспруденции, где кейс — данное судебное разбирательство.

Так, А. Н. Алексеев в течение восьми лет (1980—1988гг.) проводил исследование на Ленинградском заводе полиграфических машин. Его интересовали социальные нормы производственной организации (отношение к инновациям), личностная адаптация к новым социальным условиям (эксперимент на самом себе), а также отражение социального контекста жизни тех лет — «доперестроечного» и «перестроечного» периода — на жизни одного конкретного производственного организма (под углом зрения: ожидаете ли вы перемен?). Автор исследования на эти восемь лет сменил профессию социолога и стал включенным участником производственного коллектива, что дало возможность собрать глубинный материал о всех сторонах жизни, вести дневник наблюдений за своими собственными переживаниями в новом качестве, а также изнутри фиксировать все столкновения и конфликты. Ценность этого исследования состоит в том, что помимо описания производственных отношений как кейс-стади, проведенного автором, его можно рассматривать и как описание «случая самого Алексеева». Разнородные документы о разных сторонах жизни его как индивида (от интимных до документов официальных разборок с представителями номенклатуры) могут служить документальной основой для анализа личностной динамики уникального человеческого характера в особых обстоятельствах (социолог-рабочий, пытавшийся в застойные годы активно противодействовать социальной среде).

Длительное «погружение» в поле своего исследования дает возможность всесторонне рассмотреть «случай» в единстве его взаимосвязей и динамике развития, понять групповые нормы и ценности, структуру ролей, систему властных отношений в процессе *повседневного обычного* функционирования конкретного социального организма. Фокус направлен не только на наблюдаемые отношения и процессы, но, в первую очередь, на выявление их скрытого подтекста, субъективных значений. В данном случае А. Н. Алексеев пошел по пути детального описания событий и действующих лиц конкретного коллектива на фоне широкого *социально-исторического контекста* и описал столкновение привычных традиционных форм производственных отношений с инновационными процессами. Изменяющийся общесоциальный контекст оказал основное влияние на участников и состояние конкретного предприятия.

В центре внимания кейс-стади может быть и более сконцентрированное, хронологически-детальное описание развития одного *экстремального* события в жизни сообщества и его последствий. В настоящее время отечественные исследователи часто используют кейс-стади для изучения процесса развития рабочих движений протеста [24].

Примером событийного кейс-стади может служить исследование К. Асмуссен и Дж. Кресуэла «Реакция университета на выстрел студента» [69]. После инцидента со студентом, открывшим огонь по своим сокурсникам в студенческой аудитории, исследователи задались вопросом, каковы должны быть ответные действия администрации и окружающих в подобном случае; что нужно, чтобы предотвратить повторение таких инцидентов или хотя бы свести ущерб к минимуму, избежать паники среди студентов. Ограничив рамки кейс-стади только студенческим городком, они детально исследовали реакции всех участников инцидента: университетской общественности, преподавателей и администрации, а также представителей охраны и студенческой прессы. Были выявлены несколько видов стратегий реакции на инцидент (от страха, стремления спастись до любопытства и равнодушия), проанализированы различные виды отдаленной реакции (стресс, психологические проблемы, усиление расовой агрессивности). Результатом исследования стала разработка конкретных рекомендаций для администрации в случае возникновения схожей нестабильной ситуации, а также более обобщенные рекомендации для подобных ситуаций в других, сходных университетских городках.

Предметом изучения в кейс-стади могут быть и социально-психологические особенности отдельной личности, представляющей самостоятельный интерес как «клинический» случай. Классический пример — «Письма Дженни» Дж. Олпорта [51]. В данном случае автор, опираясь на изучение писем стареющей женщины к друзьям своего сына, проанализировал специфически-личностные изменения в ее внутреннем мире, личные кризисы, реконструировал ее жизненный путь и смену идентичностей.

Как правило, проблема сравнения, сопоставления с другими «случаями» является второстепенной по сравнению с изучением структуры данного уникального объекта. Количество сравниваемых объектов не должно превышать трех-четырёх случаев. Источниками информации для анализа служат в основном результаты, полученные разноплановыми методами интенсивного изучения ситуации: наблюдения, включенные наблюдения, фотографии, фокусированные или экспертные интервью, архивные материалы, а в последнее время и видеоматериалы. Исследователь описывает «случай» обычно в хронологической последовательности основных событий, в дальнейшем концентрируясь на более детальном описании наиболее важных. При использовании нескольких «случаев» они описываются последовательно. Первоначально анализируется ситуация каждого случая, а потом уже производится перекрестный анализ кейсов.

Итак, специфика кейс-стади состоит в глубинном изучении своеобразия, уникальности объекта, выводы о результатах наблюдения чаще носят локальный, прикладной характер и направлены на выработку рекомендаций к действиям.

- Исследователь первоначально четко определяет границы своего случая. Конкретно же все зависит от авторских задач: будет ли это одна проблема; несколько проблем в рамках одного случая; несколько случаев.
- Выбор временных границ случая для рассмотрения процессов, событий — вторая задача в кейс-стади. Однако четко определить временные рамки начала-конца процесса удается не всегда и тогда они устанавливаются хотя бы условно.
- Выбор в качестве объекта данного конкретного случая зависит от того, насколько он соответствует общим исследовательским целям, в какой степени отражает весь комплекс поставленных задач. Конечно, хорошо бы иметь случай, который дает возможность рассмотреть проблему с разных точек зрения, но можно выбрать и самый типичный или, наоборот, самый экстремальный.
- Очень важна глубина рассмотрения случая. Хорошо бы уже на этапе планирования составить условную матрицу и определить, какова будет глубина информации о тех или иных характеристиках «случая».
- Длительное погружение в поле и одновременное использование разных методов сбора информации обеспечивает понимание глубинных смыслов, подтекста социальных отношений в узких границах данного случая.
- Использование более 3—4 случаев для сравнительного анализа может привести к потере глубины и увеличивает опасность неадекватной интерпретации каждого из них.

Этнографическое исследование как правило имеет описательный характер и представляет собой всесторонний анализ каждодневной коллективной практики определенной общности с точки зрения ее *культуры* (нормы, традиции, ценности, язык, мифы), отличающейся по стилю и образцам поведения от основной массы населения. Эта тактика пришла из культурной антропологии, где применялась для сравнительного анализа примитивных или традиционных культур (Б. Малиновский [99], М. Мид [55]). В настоящее время понимание этнографического исследования существенно расширилось и включает изучение культурных образцов и символов не только национального, но и любого социального сообщества, например производственного [35].

В отечественном опыте примером такого этнографического подхода может служить российско-британское исследование русского крестьянства, проводимое под руководством Т. Шанина [46]. Этнографически-описательный характер выстраивает всю логику проекта. Каждодневная практика крестьянской жизни описывается почти дословно, в словах и образах самих крестьян как представителей данной культуры. Наблюдение за каждодневной практикой крестьянской жизни, глубинные интервью с ними демонстрируют, что повседневная культура русских крестьян на протяжении десятилетий оставалась фактически неизвестной и закрытой областью как для исследователей, так и для широкой общественности.

В случае этнографического подхода исследовательская задача состоит в представлении *нового знания об этой культуре*. Как и в любом культурологическом исследовании цель состоит в том, чтобы представить публике нормы и образцы поведения данной общности «глазами чужого», так, чтобы любому незнакомому с данной средой стали понятны «правила игры» и традиции, принятые в данной культуре. Источниками информации в таком исследовании могут быть письма, личные документы, фотографии, образцы фольклора, а также групповые интервью.

По аналогии с экспедициями в культурной антропологии непосредственный контакт с объектом носит название полевых работ и предусматривает интенсивное общение в естественной обстановке с представителями данного сообщества. Тактика состоит в первоначальном поиске «посредников» для вхождения в незнакомую среду, а затем в поиске «ключевых фигур», обладающих наиболее полной информацией о традициях группы.

Итак, этнографическое исследование является прежде всего *культурологическим* описательным исследованием определенного сообщества, обладающего культурным своеобразием или собственной субкультурой.

- Оно предусматривает длительное интенсивное включенное наблюдение за группой с ориентацией прежде всего на ее традиции, нормы, образцы поведения, культурные символы.
- В случае ориентации на такое исследование необходимо заранее познакомиться с основными понятиями и концепциями социологии культуры.
- Тактика полевых работ состоит в первоначальном поиске посредников, способных ввести исследователя в группу, сообщество, а затем помочь войти в контакт с «ключевыми фигурами», хранителями знаний о традициях данного сообщества.
- Описания в этнографических исследованиях, с одной стороны, должны отражать специфику данной культуры, т. е. быть максимально приближены к живой речи ее представителей, с другой — быть понятны широкой публике. Исследователь играет роль посредника между аудиторией и данной общностью.
- Результат этнографического исследования — новое знание как многосторонний социально-культурный портрет группы или индивида. Он включает описание «смыслов» действий, высказываний как с точки зрения представителей данной культуры, так и с позиции аналитика.

Историческое исследование, или устная история (*oral history*), обычно описывает субъективный опыт переживания исторических событий. Интерес может быть направлен на изучение истории становления локальных сообществ (движений, организаций; населенного пункта) или описание опыта переживания крупного исторического процесса или события (войны, революции, репрессий, Катастрофы).

Аспектом анализа являются прежде всего проблемы, связанные с социальной историей или психоисторией (последняя еще не получила достаточного развития в нашей стране). Вот как обосновывает свой интерес к устной истории один из крупнейших социальных историков Пол Томпсон:

«Только совсем недавно обращение к личным документам прошлого стало достоянием широкой науки. Использование таких документов позволяют узнавать, как люди жили в прошлые времена: каково было мироощущение ребенка, как молодые люди встречались и влюблялись, как они жили вместе как муж и жена; как искали и находили работу или меняли место работы, что думали по поводу своей работы; как они относились к работодателям и сослуживцам; как выживали, когда оставались без работы; как классовое сознание варьировалось в городе, на селе, в разных профессиональных группах. Ни на один из этих вопросов мы не получили бы ответа из традиционных исторических источников» [118, с.78].

В российской практике примером исторического исследования может служить проект М. Рожанского, который на примере Усть-Илимска проследил, как складывалась история нового города — «города без прошлого»: как формировалась его культурная среда, как из мироощущения мигрантов-маргиналов рождалась новая самооценная культура [36].

Новые сибирские города рождались как монопоселения, плотно связанные с градообразующим предприятием, и затем уже приобретали или не приобретали статус города. Что делает моноград городом? Смогут ли выжить такие города в современных кризисных условиях при разрушении градообразующих предприятий? Обращаясь к истории города, автор опирается как на официальные документы истории города, так и на устную историю — биографии его жителей как источник, повествующий о становлении культурной среды, неких общинных норм самооценной культуры, отслеживающий процесс вхождения культурных лидеров во властную элиту.

В ходе своего исследования автор выходит на две проблемы: первая — противостояние идейной государственной монокультуры и культурно-антропологического разнообразия регионов России. На примере Усть-Илимска М. Рожанский описывает процесс формирования культурного мира города: как из мигрантов, в основном маргиналов, происходило становление самостоятельного сообщества, независимого от центральных установлений. Оно формировалось на основе сложившегося здесь особого соотношения индивидуального и коллективного, на основе традиций, прижившихся в данном монопоселении, своеобразной антропологии власти.

Вторая проблема — формирование в городах органической целостности, культурного единства, отличного от производственного принципа организации. В Сибири, считает автор, эта проблема обнаружила себя наиболее ярко как формирование неисторических культур, ориентированных на экологическое равновесие и единение с природой. В кризисное время многих усть-илимчан спасает прочная связь с природой, которой нет как дискурса в наследии северных и южносибирских культур, но что явно присутствует в культуре русской сибирской деревни.

Историческое исследование может быть предпринято и в случаях, если отсутствует достаточная документальная информация об историческом событии общенационального

масштаба. Например, сведения о раскулачивании крестьян в 20—30-е годы, о сталинских репрессиях, о жизни кубанского казачества, эпизодах Великой Отечественной войны. Такого рода поиски проводились обществом «Мемориал» и учеными Российского Государственного Гуманитарного Университета (РГГУ), петербургским отделением Института социологии РАН, где создан Биографический фонд. Сейчас в нем около 200 жизнеописаний [15]. Он представляет собой «устный архив»³, где записаны на пленку рассказы людей о времени сталинских репрессий, голоде на Украине и жизни советских людей в зонах оккупации во время Отечественной войны.

Особенность данного направления — отношение к информанту как очевидцу исторических событий. Поэтому с точки зрения тактики важно, что исследователь изучает прежде всего *воспоминания индивида* о событиях прошлого, рассматривая их как субъективное свидетельство о прошлом. Исходя из этого центральными задачами являются проблемы искренности информанта, адекватности его воспоминаний, возможности его памяти.

Необходимым дополнением является тщательный анализ *социально-исторического контекста*⁴ события по различным официальным документальным источникам.

Источниками информации в исторических исследованиях обычно служат как письменные источники: мемуары, дневники, письма, так и устные — интервью. Для фонового анализа общего социального контекста необходим всесторонний анализ имеющихся официальных исторических свидетельств.

Основные принципы устной истории как исследовательской тактики:

- Предварительное ознакомление с имеющимися официальными источниками информации по проблеме и данному историческому периоду.
- Ограничение исследования относительно узкой проблемной областью и временными рамками.
- Отбор информантов должен точно соответствовать проблеме и цели исследования.
- Информанты должны освещать одни и те же аспекты исторического события, поэтому перечень вопросов достаточно структурирован.
- Рассматриваются и анализируются противоречия в высказываниях разных очевидцев или участников события.
- Свидетельства информантов по основным параметрам сравниваются с уже имеющимися документальными свидетельствами.

История жизни, или биографический метод, является изучением индивидуального пути и жизненного опыта на разных стадиях (от детства к взрослению и старению). Это, пожалуй, одна из самых распространенных тактик качественного исследования. Истории жизни используются во многих социально-гуманитарных науках, там, где центром интереса является индивидуальное.

Классические примеры использования этой тактики описывают жизненные практики людей, оказавшихся в нетипичной или уникальной социальной ситуации: история гермафродита (Гарфинкель, 1967 [81]), влюбленной женщины (Шварц и Мертен, 1980 [106]), потребитель героина, окончивший жизнь самоубийством (Хьюс, 1961 [93]), французский убийца-маньяк XIX века (Фуко, 1978 [79]).

Но это может быть и типичная, среднестатистическая история жизни человека. Жизненная история польского эмигранта Владека Висневского (его детство в польской деревне, вступление в трудовую жизнь булочником, его эмиграция в Германию в поисках работы и наконец приезд в Чикаго и мытарства там) легли в основу уже упоминавшегося исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого [117] о польских крестьянах.

³ Использование архивов устной истории является одним из источников информации в историческом исследовании. Такие архивы стали неотъемлемой частью исследовательской практики во многих странах, вплоть до создания общенациональных коллекций, например, в Великобритании и США. Каждый исследователь, начиная свой исторический проект, может воспользоваться этими данными в научных целях [76, 56].

⁴ Интересным примером является сравнительное исследование Яном Котцы опыта политзаключенных в разных странах — Южной Африке, Чехии и России — и роли социально-культурного контекста при интерпретации таких воспоминаний в настоящее время. Автор полагает, что национальные различия в субъективном отношении к существующему в настоящее время политическому режиму — социально-историческому контексту каждой страны — предопределили различия в эмоциональной окраске этих воспоминаний [71].

По объекту интереса это может быть история жизни великого или выдающегося человека; индивида, достигшего большого жизненного успеха, или история жизни обычного среднего человека. Исключительно редки автобиографические исследования.

Основной метод получения информации — биографическое интервью или длительные диалоговые беседы с человеком. Используются также разнообразные документальные источники: от школьного сочинения, написанного на конкурс, до мемуаров — весь набор документальных источников, которые К. Пламер называет «документами жизни» [105]. Их общее свойство в том, что индивид повествует об общем течении, всей истории жизни своими словами. Лучше, если такой рассказ дополнен также свидетельствами других людей из его окружения (близких, родственников), личными письмами или фотографиями.

Н. Денцин [73] выделяет два подхода к истории жизни: первый, так называемый *классический*, где исследователь использует биографический материал как иллюстративную основу для собственных теорий и концепций. Материал представлен в видении и под углом зрения самого исследователя. Именно он создает *историю* жизни, анализируя ее с точки зрения культурных представлений общества, жизнедеятельности отдельных социальных институтов или социальной истории в целом.

Второй подход, *интерпретативный*, предполагает, что рассказанная биография собственно биографией является только частично: она содержит не просто факты и вымыслы о своей жизни, но призвана создать некий «образ себя». «Мы создаем людей, о которых мы пишем, так же как они творят самих себя, когда рассказывают о своей жизни», — пишет Денцин [73]. В таком подходе биографическое повествование как своего рода «сценическое представление» (метафора Э. Гоффмана), рассматривается как некая демонстрация себя — я такой-то. В этом случае интерес исследователя направлен скорее на сам *способ* «конструирования» биографии для выявления социальной идентичности рассказчика (анализируются способы «построения» идентичностей и их изменения).

Создавая такую интерпретированную историю жизни, исследователь должен последовательно пройти следующие этапы:

- Начать с фиксации элементов объективного опыта, обозначая этапы жизненных циклов и событий, которые для простоты можно выстроить в хронологической последовательности.
- Затем собрать более детальную информацию о контексте наиболее важных событий и сформировать таким образом набор отдельных *историй*.
- Истории, касающиеся отдельных событий жизни, организовать вокруг более общих тем и выстроить в эпизоды индивидуальной жизни.
- Исследователь фокусируется на раскрытии смысла отдельных историй для жизни индивида в целом; обращается к информанту за дополнительными объяснениями в поисках разных аспектов этих смыслов.
- В поисках смыслов он обращается также к дополнительным источникам — анализу социально-исторического контекста, отношений в непосредственном окружении — и, в конце концов, предлагает *свою* общую интерпретацию жизненного опыта данного индивида как целостного «произведения».

Такая интерпретированная история жизни наиболее близка к *феноменологической* теоретической традиции. Она ориентируется на поиск общего смысла, значения жизненного опыта индивида или индивидов. При этом жизненный опыт рассматривается безотносительно к реальным фактам жизни, а строится его общая картина, основываясь на воображении и интуиции исследователя. Из значения опыта одного индивида строится его общее универсальное значение для всех, кто имел аналогичный прожитый опыт. При этом предполагается, что такой смысл действительно есть, и он исследуется как определенный социальный *феномен*.

Индивидуальная история жизни может стать основой и при изучении способов «проживания» жизненных событий: индивидуальных кризисов, поворотных моментов в биографическом пути, социально-исторической ситуации.

Биографические повествования могут стать пред, метом анализа и в своей совокупности — как *коллективный* опыт «проживания» определенной социальной ситуации. Сравнительный анализ большого числа аналогичных случаев (примерно от 5 до 25) становится основой для описания социальной проблемы, которая вырисовывается за

сходными обстоятельствами и действиями — общей социальной практикой людей. Такой методологический подход позволяет типологизировать жизненные стратегии в сходных ситуациях, конструировать «образцы» (т. е. нормы) поведения или типы культурных ориентации, стилей жизни⁵. В данном случае проблема *сравнительного* анализа историй жизни или отдельных эпизодов становится центральной задачей с целью построения типологии индивидуального поведения.

Источниками информации в этом случае служат некоторая совокупность историй жизни (как основная база), а также официальные и неофициальные документы, социальная статистика, архивы, данные опросов общественного мнения, описывающие социальный контекст коллективной практики.

Итак, история жизни есть способ анализа, который концентрируется на индивиде или индивидах, их опыте проживания жизни и отражении в нем социально-культурных процессов. Эта тактика предусматривает досконально полную информацию о всей протяженности жизненного пути и субъективных переживаниях человека.

- Исследователь должен иметь точное представление об историческом и социальном контексте, соответствующем жизни, чтобы представить себе ее в социальном качестве.
- Необходимо точно определить ключевые моменты жизненного пути, которые анализируются тематически как эпизоды, имеющие скрытый смысл и представляющие аспект жизненного опыта в целом. Исходя из этого возможна интерпретация и объяснение общего смысла данного опыта.
- Используя интерпретативный подход, исследователь концентрируется непосредственно на поиске таких смыслов, используя дополнительную информацию от индивида и свой научный опыт.
- В случае изучения нескольких историй жизни и их сравнительного анализа необходимо: а) первоначально выделить отдельные эпизоды, подлежащие сравнению; б) проанализировать их в контексте данной жизни; в) перейти к перекрестному анализу с биографическими данными других людей.

История семьи. Эта тактика фокусируется на истории семьи как локального сообщества на протяжении поколений. Семья рассматривается как относительно устойчивая малая группа, взятая в исторической перспективе, которая в каждом поколении членится и перестраивается, что не исключает ее «непрерывности» как социального феномена. Анализируются процессы социальной и территориальной мобильности членов семьи в длительной динамике нескольких поколений, преемственность или изменение ее социального статуса, передача «культурного капитала» семьи и трансформации ценностей.

Так, петербургские социологи В. Воронков и Е. Чикадзе изучали, каким образом в период 20—30-х годов происходила утрата культурно-национальной идентичности евреев и формировалась их советская идентичность. Первоначально они проанализировали индивидуальные биографические повествования 50 респондентов из еврейских семей, акцентируя внимание на развитии этнической идентичности. Параллельно изучались изменения в социально-историческом контексте «отношения к евреям». Затем сравнивались рассказы о жизни пожилых и молодых людей, представителей разных поколений семьи. Исследователи обнаружили существенные различия в процессах формирования национальной идентичности в разные исторические периоды советской истории. Коротко они сформулировали этот процесс следующими словами: евреи, приехавшие в Ленинград в 20—30-е годы, постепенно становились русскими, чтобы впоследствии их внуки из русских-советских опять превратились в евреев в эпоху разрушения советской идентичности [14].

Источниками информации здесь служат семейные архивы, глубинные интервью с представителями разных поколений, генеалогические графы.

Итак, история семьи концентрируется на семье как малой социальной группе, существующей на протяжении поколений в рамках определенного изменяющегося социального контекста.

⁵ Мы применили этот подход в исследовании жизненных стратегий молодых «интеллектуалов». На основе анализа 30 биографий были реконструированы типичные черты их современного стиля жизни и типология таких стилей в зависимости от ценностных ожиданий [38]. Аналогично Е. Мещеркина на основании анализа коллекции биографий выделила доминантные типы мужской идентичности в современной России и сдвиги в этой области (возвращение к патриархальному типу «добытчика») [33].

- Исследователь собирает информацию об истории и современной жизни семьи от нескольких представителей данной семейной группы, желательно представителей разных поколений.
- Анализ проходит в два этапа. Первоначально анализируются отдельные рассказы людей по тактике истории жизни, а затем анализируется история семьи в целом. При этом учитываются сведения разных членов для поиска противоречий и несоответствий в их рассказах.
- Существенно важным является точное представление не только о социальном контексте жизни семьи в целом, но и информация о региональных особенностях того района, где жила семья.
- Хорошим дополнением к полученной информации служит генеалогический граф о широкой сети родственных связей на протяжении нескольких поколений с указанием годов жизни, места жительства, профессии и т. д.

Восхождение к теории, или grounded theory, как тактику обычно связывают с именами Б. Глейзера и А. Страуса и созданной ими в конце 60-х годов теорией [84, 113, 114]⁶. Тактика «восхождения к теории» в основном отличается способом анализа данных, ориентированным на построение *теории* случая.

Цель такого исследования состоит в рассмотрении конкретной жизненной ситуации как формы проявления определенного феномена, который подлежит *теоретизированию* — обобщенному абстрактному представлению в виде теоретического утверждения или гипотез относительно данного феномена, наблюдаемого в реальной практике.

Тактика состоит в следующем: исследователь собирает из разных источников информации многоаспектные данные о конкретных событиях, действиях или отношениях людей; группирует и связывает разнородные данные в обобщенные категории. Поэтапно поднимаясь ко все более абстрактным категориям и научным концепциям, он в результате конструирует их в абстрактный «теоретический случай». Это позволяет представить наблюдаемый случай в виде самостоятельной авторской версии относительно природы данного феномена. Приведем пример такого подхода, использованный самими авторами теории.

Группа под руководством А. Страуса вела детальное наблюдение за больными и медицинским персоналом в клинике. Кроме практических отношений медицинского персонала и больных, среднего и старшего медицинского персонала, их интересовала и более абстрактная проблема: хроническая боль и способы ее облегчения, снижения причиняемых ею страданий. В результате анализа разнородных данных возникли две обобщенные категории как две «стратегии борьбы с болью»: «лечение техническими средствами» (лекарства, операционное вмешательство и другие средства снятия болевого синдрома) и «лечение через адаптацию к боли» (контролирование болевых ощущений самим пациентом и психофизиологические программы воздействия со стороны персонала). Анализировались последствия влияния этих двух стратегий на моральное состояние пациента, на субъективное представление о хронической боли. Сравнение двух противоположных случаев — двух клиник, придерживающихся одной из стратегий, — позволило авторам концептуализировать феномен хронической боли и способы борьбы с ней [114].

Другой пример, также из клинической практики, — исследование «траектории умирания». Б. Глейзер и А. Страус анализировали экстремальный случай одинокой пациентки, умирающей в больнице от рака. Они описывают стадии, которые прошли пациентка и медицинский персонал, сражаясь с болью и смертью. Обсуждается влияние двух составляющих: знания пациентки о своем состоянии и степень заботливости персонала, которые могут облегчить ее трагическое состояние. Авторы предложили концептуализацию, на основе которой единичный случай стал основой для социологического понимания ситуации в целом и влияния на реальную практику отношения к больным [85].

Процесс анализа данных в тактике «восхождения к теории» имеет свою стандартную технику и предусматривает несколько стадий кодирования (открытое, осевое, выборочное), а затем составление условной матрицы, связывающей влияние определенного социального контекста с различными формами проявления феномена — сравнительный анализ (более подробно см гл. VII с. 205—210).

Социолог, выбирающий тактику «восхождения к теории» должен:

⁶ Термин grounded theory, обозначающий построение теории, основанной на фактах, у нас иногда переводится как обоснованная теория. На наш взгляд, более важен здесь не момент обоснования, а момент построения теории из реально наблюдаемых фактов. Поэтому в дальнейшем мы используем перевод «восхождение к теории». В других языках этот термин, впервые примененный Глейзером и Страусом и получивший Широкую известность, часто используется вовсе без перевода в первичной английской транскрипции — grounded theory.

- ориентироваться на теоретическое видение ситуации и ее составляющих;
- несмотря на индуктивный и творческий характер методики помнить, что она предусматривает систематический подход и определенные стадии анализа;
- прочувствовать ту степень абстракции, которая обеспечивает, с одной стороны, конкретность (заземленность)
- теории, с другой — ее категориальный характер в научных терминах;
- созданная теория должна хорошо объяснять центральный феномен, определять условия, при которых она «работает», и предусматривать следствия, вытекающие из данной теории.

Итак, теперь мы знаем, что социологи- «качественники» могут использовать разные способы проведения исследования исходя из первичного фокуса своего интереса.

- Если в фокусе интереса прежде всего проблемы уникального объекта и выяснение скрытых пружин его функционирования как системы, он выбирает кейс-стади. В этом случае результаты его исследования сугубо прикладные и носят характер советов или рекомендаций относительно разрешения определенного конфликта или улучшения системы функционирования данного сообщества или индивида.
- Если в фокусе в первую очередь новое знание о культуре определенного сообщества, нормах и образцах поведения, он выбирает тактику детального описания его форм поведения и языка — этнографическое исследование.
- Если исследование направлено на восстановление полной картины исторического события или процесса, и прежде всего его субъективной стороны как последствий для его участников или очевидцев, то избирается тактика устной истории, где первоочередной задачей является проверка степени правдивости воспоминаний информанта и сопоставление их с документальными источниками информации.
- В случае интереса к ретроспективе социальных процессов и механизмам передачи культурного капитала от поколения к поколению он обращается к тактике истории семьи, привлекая для этой цели свидетельства нескольких членов семьи из разных поколений.
- Если же интересна прежде всего индивидуальная жизнь и отражение в ней социальных и культурных процессов, соотношение индивидуального и социального в исторической ретроспективе, то социологи применяют тактику истории жизни.
- Тактика восхождения к теории используется тогда, когда в центре исследовательского интереса прежде всего теоретическое осмысление данного социального феномена, наблюдаемого в жизненной практике.

В принципе, даже один и тот же источник информации может стать основой для применения разных тактик качественного подхода.

Так, например, биографическое интервью с Л. Мироновым, приведенное в приложении (с. 241), может анализироваться в традициях *кейс-стади*, если сфокусироваться на одном жизненном эпизоде. К примеру, эпизод работы в научно-исследовательском институте в 70—начале 80-х годов можно анализировать детально как ситуацию в научной среде в те годы. Для этого можно привлечь дополнительные источники информации об этой ситуации, рассмотреть ее в единстве социальных условий, индивидуальных стратегий и системы межличностных отношений в науке.

Этот же текст может быть использован для тактики индивидуальной *истории жизни*, если проследить биографический путь этого человека в единстве социально-типичного, характерного для представителей его поколения, и индивидуального, раскрывающего особенные детали в формировании его жизненного пути.

Используя *феноменологический* подход, возможно сконцентрироваться на выявлении общего смысла его социального опыта, жизненного мира этого человека. В таком случае мы прицельно анализируем его рассказ в целом как способ подачи себя и прожитой жизни.

С позиции *устной истории* интерес может представлять, например, период его студенческой жизни — начало 50-х годов — и отношение студенческой молодежи к сталинскому режиму для характеристики социально-политической жизни того времени.

Тогда биографическое интервью будет служить субъективным свидетельством одного из участников той исторической ситуации.

Таким образом, перечисленные выше различия разных тактик не так уж велики. Они имеют больше сходств, чем отличий. Все дело в фокусе интереса исследователя и специфике подхода к данным. Расхождения связаны также с «происхождением» этих тактик из разных областей знания.

Общими чертами всех этих тактик можно считать:

- а) ориентацию на изучение каждодневной практики социального взаимодействия;
- б) изучение неструктурированных источников текстовой информации как живых образцов устной или письменной речи, содержащих субъективные свидетельства о социальном существовании индивидов и практике взаимодействий с другими людьми;
- в) кроме текстовой информации используются и другие разноплановые данные об объекте интереса;
- г) анализ предполагает всестороннее описание и интерпретацию состояния социального феномена в единстве его внутренних взаимосвязей.

Многообразие тактик качественного исследования отличает этот подход от «количественного». Исследователь волен изобретать свой способ действия или приспособлять существующие применительно к конкретной исследовательской ситуации. Вместе с тем, как и в жестко-структурированном системном подходе, он должен следовать определенным канонам научного поиска, переводить свои наблюдения и интерпретацию на язык научных понятий, обосновывать аргументы, опираясь на достоверные данные (тексты, наблюдения, имеющиеся документы, данные других исследователей).

МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Мы уже упоминали в предыдущих параграфах, что во всех тактиках качественной методологии могут одновременно применяться несколько методов сбора данных, так называемый мультиметод сбора данных. Качественная социология существенно расширяет традиционный набор методов и источников информации, вводя в научный оборот широкий спектр неформальных источников, личные документы, которые до сих пор не удостоивались внимания социологов.

В этом параграфе кратко опишем каждый из используемых социологических методов, учитывая то, что основные традиционные методы (такие, как наблюдение, включенное наблюдение) хорошо знакомы из курса общей социологии. На специфике анализа личных документов и особенностях глубинного интервью в качественном исследовании остановимся более подробно.

Наблюдение

Наблюдение понимается как долговременное рассмотрение объекта в естественных для него обстоятельствах. По методике сбора данных и принципам проведения в стратегии качественного исследования оно мало отличается от наблюдения в традиционной социологии. В качественной социологии его часто называют «полевое исследование», поскольку объект изучается в естественных условиях. Единственное отличие от количественного подхода состоит в фиксации номинальных (описательных, неколичественных) характеристик и в более естественном, не структурированном фокусе рассмотрения. Темы для наблюдения только перечисляются.

Преимуществом данного метода в сравнении, например, с интервью, является то, что присутствие наблюдателя не вызывает искусственных изменений в исследуемой ситуации. Наблюдение как метод используется в тактике этнографического исследования и кейс-стади как фиксирование форм жизнедеятельности определенной группы.

Первичным полевым документом является *дневник наблюдений*, где детально регистрируются как обычные (повседневные), так и экстремальные ситуации в жизнедеятельности сообщества по временным единицам (часы, дни, недели). Исследователь использует все возможности, чтобы уловить общую атмосферу происходящего: внешний вид

помещения, детали внешности людей, специфические детали коммуникации (жесты, выражение лиц, жаргон, построение фраз и интонации).

Все факты, комментарии, идеи желательно обсуждать в группе исследователей.

Включенное наблюдение — это наблюдение за некоторой общностью, при котором исследователь является одновременно ее членом. Такое включение дает возможность скрытого наблюдения, когда члены общности не осознают, что за ними наблюдают. Метод особенно продуктивен при исследовании труднодоступных общностей. Применяется в основном в кейс-стади закрытых сообществ и этнографическом исследовании. Применение этой техники требует больших временных затрат. Мы уже рассказывали об уникальном включенном наблюдении А. Н. Алексеева, которое продолжалось восемь лет [2].

Глубинное интервью

Как метод представляет собой непринужденную беседу двух людей, в которой один из участников — интервьюер — помнит, что в данной ситуации он выступает как профессиональный исследователь, имитирующий РОЛЬ равноправного собеседника [50, с. 280].

Технология качественных интервью различна в зависимости от целей исследования. Все они относятся к разряду глубинных (неструктурированных или полуструктурированных) и занимают как минимум 1,5—2 часа.

Нередки случаи неоднократного возвращения к одному и тому же рассказчику для продолжения разговора, уточнения деталей, углубления темы. В общей сложности качественное интервью может потребовать 8—12 часов работы с одним интервьюируемым (до 200 страниц текстовой информации).

Нарративные интервью (narrative — рассказ, повествование) представляют собой свободное повествование о жизни рассказчика без всякого вмешательства со стороны интервьюера, кроме возможных междометий (удивление или одобрение), для стимулирования и поддержания нити рассказа.

Предполагается, что в ходе свободного изложения в памяти респондента ассоциативно всплывают в первую очередь те эпизоды и моменты, которые представляют для него наибольшую субъективную ценность. Это позволяет выявить наиболее важные «смыслообразующие» фрагменты, конструирующие его рассказ. В ходе интервью человек как бы заново обдумывает свою жизнь, свое «я», отделяя его от совокупного «мы».

Как показала российская практика интервьюирования, самоосмысление, рефлексия и выделение своего «я» наиболее трудно дается опрашиваемым, особенно людям с низким уровнем образования. Русские люди больше привыкли омысливать себя в категориях «мы». Ситуация интервью зачастую впервые заставляет их задуматься о себе как отдельном историческом и социальном субъекте. Это может потребовать дополнительного стимулирования со стороны интервьюера. Например, предварительное «погружение» интервьюируемого в проблемы личного, субъективного, важности его индивидуального опыта для исследуемых целей.

Характерный пример из исследования об отношении россиян к Германии. Интервью проводились в Москве и Берлине на одной и той же художественной выставке «Москва—Берлин». Одни и те же художественные экспонаты выставки у москвичей вызвали глобальные социально-исторические ассоциации, связанные с событиями войны, несходством национальных характеров (мы—они), размышлениями о судьбах Германии и России. По замечанию одного из организаторов, немецкого исследователя Флета, у берлинцев те же самые экспонаты скорее являлись стимулом к размышлениям о собственной жизни (об этом исследовании см. [32]).

После нарративного интервью возможно пополнение необходимой информации путем дополнительных вопросов.

Полуструктурированное интервью понимается как интервью с путеводителем. Предварительно составляется общий план разговора с перечислением тематических блоков, представляющих исследовательский интерес, а также выделением аспектов, относительно которых должна быть получена более детальная информация. Формулировка отдельных вопросов и предполагаемая форма ответов остаются свободными, открытыми, их конкретное оформление происходит в ходе интервью.

Важно, чтобы ход беседы оставался свободным, а вопросы, интересующие интервьюера, задавались в русле разговорного характера беседы, не нарушали общего ее хода, а органически вписывались в рассказ как уточнения. Если сделать это не удастся, лучше не прерывать собеседника, а задать вопросы в конце беседы, вернувшись к данной теме: «Вы мне рассказывали о Вашей первой работе, как много она Вам дала. А не могли бы Вы уточнить, в каком это было году, и кто помог Вам устроиться на эту работу?»

Биографическое интервью является разновидностью полуструктурированного, где тематические блоки соответствуют последовательности жизненных циклов индивида: «Детство», «Юность», «Учеба», «Женитьба», «Дети» и т. д. Интервьюер только направляет разговор на определенную тему и умело подводит к следующему блоку, когда, по его мнению, рассказ о данном периоде жизни исчерпан.

Лейтмотивное интервью напротив ориентирует разговор на отслеживание динамики одного и того же аспекта жизнедеятельности индивида на протяжении его биографического пути. Например, если нас интересуют отношения между супругами на разных стадиях их совместной жизни, то в процессе беседы, при переходе к каждому следующему периоду жизненной истории, мы будем иметь в фокусе именно этот аспект и задавать дополнительные вопросы, касающиеся изменений в отношениях между супругами.

Фокусированное интервью предполагает иную тактику: необходимо как можно больше узнать только об одной жизненной ситуации. Исходя из этого, дополнительные вопросы интервьюера направлены на углубление в определенную тему и предполагают все большую конкретизацию субъективных представлений о предмете интереса исследователя.

Разные виды глубинных интервью прежде всего используется в тактиках, ориентированных на изучение истории жизни человека, истории семьи, в феноменологических исследованиях, а также в устной истории и как дополнительный источник в кейс-стади.

Диалоговое интервью или *свободная беседа* в форме диалога отличается от нарративного и полуструктурированного интервью по форме отношений исследователь-исследуемый. Если задачей предыдущих видов интервью является внимательное выслушивание собеседника с минимумом своих комментариев, то в данном случае и исследователь, и участник исследования занимают одинаково активную позицию. В форме равноправного диалога обмениваются своими взглядами по темам, представляющим исследовательский интерес. Мнения социолога, иногда конфронтнрующие с высказываниями интервьюируемого, могут заставить последнего уточнить свою позицию или изменить ее под влиянием диалога с исследователем.

Метод фокус-группы

Это способ выявить различие в понимании некоторой проблемы, события, явлений жизни между определенными группами людей. Методом глубинного интервью постепенно уточняются позиции участников относительно данной проблемы. Однако группы интервьюируемых в целом должны репрезентировать некоторую общность, относительно которой изучается данная проблема. Фокус-группы широко используются в прикладных маркетинговых исследованиях, при изучении покупательского спроса, реакций на рекламу, отношения к политическим деятелям и т.п. Данный метод в некотором смысле комбинирует количественный и качественный подходы.

Дискуссию ведет модератор, т. е. сам исследователь или сотрудник исследовательского коллектива. Он предлагает тему (о чем приглашенные для дискуссии заведомо оповещены) и стимулирует участников к спору, высказыванию своих мнений, отличных от уже предложенных. Вопросы модератора тщательно обдумываются и следуют программным целям. Вместе с тем, модератор изобретательно направляет дискуссию, а ее содержание, как и поведение участников, подлежат качественному анализу и в смысле аргументации, и с точки зрения лексики, интонаций, в общем — всех доступных свидетельств, которые позволяют проникнуть в смысл высказываний самих участников дискуссии.

Исследователь фокусирует внимание как на предмете обсуждения, так и на особенностях мнений представителей какой-то особой общности (социального слоя; профессии; группы, поддерживающей некоторое общественное движение; фанатов «поп-звезды»; потенциальных покупателей конкретного товара и т. д.)

Состав группы определяется целью и задачами исследования. Это могут быть представители полярных общностей (скажем, сторонники и противники некоторой политической партии, любители жанра в искусстве и равнодушные к нему), гомогенная группа (студенты, пенсионеры, военные), «целевая» (слушатели, читатели некоего источника массовой информации), «случайная» группа (люди, внезапно пережившие общее бедствие). Численность таких групп — от 5 до 15 человек.

Дискуссия записывается на аудиопленку, но часто — на видеокассету с тем, чтобы впоследствии тщательно проанализировать ее содержание и осмыслить соответственно задачам исследования⁷.

Анализ личных документов

В качественной социологии фактически все методы сбора информации (и наблюдение, и глубинные интервью) приводят к появлению текстовой информации, подлежащей дальнейшему анализу как письменный документ. В методике наблюдения анализируются дневники наблюдения, в методе интервью — тексты интервью. Такие тексты создаются непосредственно для исследовательских целей.

Используются также письменные и визуальные источники информации, уже первоначально представленные в виде личных документов или «*документов жизни*», как их называет К. Пламер [105]. Они становятся объектом изучения, но создавались для других, личных целей. Исследователь утверждает, что мир буквально переполнен личными документами, которые являются потенциальной основой для научного изучения: люди ведут дневники, посылают письма знакомым и направляют письма в газеты, делают фотографии, пишут мемуары, оставляют посмертные записки, составляют памятные надписи на памятниках, рисуют картины, снимают фильмы и сочиняют музыку, описывают свои сны. Все эти формы самовыражения и отражения личной жизни характерны для тысяч и миллионов людей. Они могут стать предметом интереса каждого, кто захочет изучить их. В широком смысле все «документы жизни» способны расширить круг социологических представлений о реальности [105, с. 13].

Неформальные документальные источники активно используются историками и антропологами при исследовании прошлого или изучении культурного своеобразия сообществ. Для социолога человеческие документы являются «свидетельством индивидуального опыта, который отражает поведение индивида как личности и как участника социальной жизни» [59, с. 29]. Преимуществом при их использовании является эмоционально окрашенная, непосредственно из первых рук полученная информация о субъективном мире и о тех событиях, в которых участвовал индивид.

Дневники как неформальный документ обладают тем преимуществом, что описывают жизненные события «день за днем», а не *post i'actum*, как в интервью, и, значит, временной эффект не накладывает своего отпечатка на восприятие и описание события. Это очень важное преимущество, так как в биографическом интервью всегда приходится различать два аспекта субъективного видения: каково сегодняшнее видение прошлого и каковы были ощущения человека тогда, в момент совершения события, в прошлом. Дневники же описывают действия «здесь и сейчас». Однако было бы наивно предполагать, что все дневники ведутся изо дня в день и только благодаря этому содержат наиболее полную адекватную информацию о повседневной жизни индивида.

В настоящее время ведение дневников выходит из моды, но в момент расцвета Чикагской школы они служили источником информации для многих классических исследований.

Как отмечает К. Пламер, в настоящее время дневники как источник информации могут быть использованы следующим образом:

а) по просьбе исследователя индивиды ведут дневник каждодневных событий в течение короткого времени, например, недели или месяца. При этом предлагается короткая инструкция по заполнению такого дневника, где предусмотрены также личные комментарии заполняющего дневник. Такой дополнительный источник был использован в лонгитюдном исследовании образа жизни стареющих жителей Сан-Франциско и дал богатую информацию

⁷ Детально о технике фокус-групп и групповой дискуссии см. [7].

относительно типичного времяпровождения пенсионеров. Открытый характер заполнения дневника помог также существенно обогатить представление о жизни пенсионеров [98].

б) Аналогичный прием применяется в классических исследованиях бюджетов времени для описания типичного дня жизни. Например, одного дня из жизни обычного американского мальчика [54].

Наиболее эффективно этот подход использован Оскаром Левисом в его знаменитом исследовании трансформации мексиканской культуры в бедных городских семьях «Пять семей» [97].

Метод Левиса состоял в описании одного дня жизни в пяти семьях. Естественно, что он провел в этих семьях значительно больше времени, сотни часов: ел с ними, отмечал их праздники, разделял их заботы и обсуждал их проблемы. Но в конце он решил, что для адекватного аналитического сравнения пяти семей наиболее подходит дневниковый способ описания одного типичного дня. Поэтому каждая из семей была представлена дневником одного дня с описанием специфического характера данной семьи. Левис считал, что изучение одного дня служит наиболее компактной формой для интенсивного описания, позволяющей контролировать сравнение пяти семей как по количественным, так и по качественным характеристикам.

в) Третий тип дневниковых записей можно назвать дневниковым методом интервьюирования. Он применяется обычно для исследования сообществ, трудно поддающихся наблюдению. Поэтому им предлагается заполнять ежедневный дневник своей активности, при этом раскрывая характер такой активности по предложенной исследователями схеме.

Так, в калифорнийском исследовании молодежной субкультуры исследователи предложили участникам групп за небольшую плату в течение недели ежедневно описывать все виды своей активности. Описывая каждый из видов деятельности, они должны были одновременно ответить на вопросы: «что?», за которым следовало подробное описание деятельности словами самого респондента; «когда?» с описанием времени активности и последовательности событий; «где?» с описанием места события, предварительно закодированного в целях сохранения анонимности участников; вопрос «как?» предполагал описание логики события: как доставали марихуану, как добывали транспорт для передвижения и т.д. [127, с. 15—16].

В предложенной схеме дневниковые записи участников исследования повторяли метод полуструктурированного интервью с повторяющимися вопросами по каждому дню своей активности, но фиксировали события не ретроспективно, а непосредственно в момент деятельности.

Письма довольно редко становятся источником информации и объектом анализа в социальных науках, но без сомнения являются богатым информационным материалом. Активно используя письма в своей исследовательской практике, У.Томас и Ф.Знаецкий классифицируют их следующим образом:

- церемониальные письма — посланные по случаю официального события, праздника, обычно требующего присутствия всех членов семьи — свадьбы, крестины, похороны, Рождество, Новый год, дни рождения. Такие письма заменяют церемониальные речи;
- информационные письма — содержащие детальный рассказ о жизни семьи, предназначенные отсутствующему ее члену;
- сентиментальные письма — которые имеют целью «оживить» чувства человека безотносительно к какому-нибудь особому случаю;
- литературные письма — несущие определенную эстетическую нагрузку.
- деловые письма [117].

Письма в настоящее время используют в основном при исследовании традиционных сообществ и прежде всего сельского населения, где они еще остались составной частью культуры.

Классическим случаем использования писем служит уже упоминавшееся исследование Дж. Олпорта «Письма Дженни», где письма, написанные в течение десятилетия одной женщиной, стали основной информационной базой для анализа трансформации идентичности.

При использовании писем возникает две проблемы. Во-первых, как изящно отметил один из английских исследователей, необходимо помнить, что у каждого письма есть два родителя: тот, кто его пишет, и тот, кто его получает. Другими словами, исследователь, обратившийся к анализу писем, должен хорошо себе представлять, кому направлены данные

письма, на чью реакцию они ориентированы. Это редко бывает доступно исследователю, но надо хотя бы помнить, что адресат наполовину определяет направленность и стиль письма. Во-вторых, письма пишутся не в расчете на аналитическое изучение специалистами, поэтому не все в них может представлять ценность как материал для изучения. Олпорт, рассказывая о процессе работы над письмами Дженни, упомянул, что ему приходилось сокращать ее письма на две трети, так как большая часть каждого письма не представляла научного интереса [51].

Визуальные документы

Фотография появилась примерно в одно время с социологией, однако использование фотографий как источника социальной информации так и не стало популярным. Миллионы фотографий делаются каждый год и становятся достоянием семейных альбомов, но социологи не испытывают особого интереса к тому, что могло бы стать основной информационной базой исследования и продемонстрировать запечатленный образ индивида, группы, места действия.

К фотографии более активно обращаются антропологи, начиная с классического исследования Маргарет Мид «Баленезийский характер» [55], где целый том посвящен фотографическим образам этой культуры. Южноафриканский исследователь Ян Котцис использовал фотографии при исследовании освободительного движения в Южной Африке, где запечатленные образы *места действия* (улицы, на которых разворачивались расовые волнения) помогают раскрыть смысл происходящих событий. В тактике устной истории группа английских исследователей из Эссекского университета начала свое исследование с коллективной фотографии женского батальона времен второй мировой войны для изучения женского опыта участия в войне и отражения этого эпизода в послевоенной судьбе его участниц. Фотография послужила отправной точкой в поиске служивших в этом батальоне для последующего интервьюирования.

Запечатленный фотографией образ не только воспроизводит внешний вид человека, но и позволяет более наглядно представить образ той эпохи, которой он принадлежит: мелочи быта, одежду, настроение — дух времени. Фотографии могут служить как иллюстрацией, так и визуальной информацией или предметом анализа. В 70-х годах группа американских социологов, пропагандирующих использование фотодокументов в социологии, даже организовала выставку своих фотографических работ, которую назвала «Визуальная социология» [105, с. 28]. Некоторые сторонники визуальной социологии считают, что она со временем и в теоретическом плане может серьезно потеснить социологию, построенную на написанном или сказанном слове [120].

Это предположение находит свое подтверждение в быстро развивающемся теоретическом направлении социологи и, которое носит название «*язык тела*». Язык тела понимается как несловесная эмоциональная форма коммуникации. Ориентация и положение тела, мимика, жесты отражают социальные реакции индивида по отношению к другим людям (реакция на социальный статус, отношения доминирования и подчинения, симпатии и антипатии). Один из самых доступных и приемлемых способов использования фотографий в качественном исследовании — обращение к семейным альбомам в ходе интервью. Старые фотографии из семейного альбома могут стать стимулом к разговору или источником новой информации о предшествующем опыте жизни индивида или семьи, а также средством проверки или подтверждения сказанного.

Фильмы и видеофильмы становятся все более популярным источником информации в социологии на Западе. Это касается прежде всего семейных видеофильмов, которые, возможно, со временем станут доступными и для российских семей. Широко используются научные видеофильмы, воспроизводящие процесс общения с объектом исследования. Возможно, благодаря видеофильмам осуществится заветная мечта исследователей: воспроизвести события в точности так, как они происходили в прошлом. Естественно, вместе с этим возникнут и новые проблемы (например, как в сжатой форме отобразить происходящее на экране), но тем не менее видеофильмы могут существенно изменить облик социальных наук.

При анализе документов привлекаются и другие, не столь популярные источники информации. Например, производственные биографии как описание профессиональных

достижений индивида (производственные характеристики — по-нашему), на которые опирался Р. Тернер при сравнения критериев успешности в США и Англии [41].

Источником информации могут служить и *неодушевленные предметы* (как, например, медицинский инструмент у А. Страуса и Б. Глейзера), предметы обихода, оделсды, история вещей или история дома.

Проведите небольшой эксперимент. Огляните свою комнату и попытайтесь представить историю отдельных предметов: были они куплены или подарены? Вспомните ясизненную ситуацию, которая способствовала этому приобретению или подарку. Что интересовало вас в то время, кто были ваши друзья, что изменилось с тех пор? Ваше отношение к этой вещи в прошлом и настоящем. Пожалуй, каждое из этих приобретений имеет свою историю, особенно если вы обратитесь к полке с книгами или коллекции аудиокассет с музыкальными произведениями.

Все перечисленные источники информации используются в разной степени. Одни стали общепринятыми, к другим прибегают довольно редко и только единицы исследователей. Наша задача была показать, сколь широк спектр возможных источников информации в качественном исследовании и что он может быть расширен в зависимости от целей и изобретательности, эвристичности автора. Кроме того, методы могут использоваться в разных комбинациях, как это было проиллюстрировано на примерах. Основная задача состоит в том, чтобы применение того или иного метода было обосновано, а полученные результаты строго укладывались в исследовательские концепции при анализе данных.

СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Питер Бергер считает, что одной из ценностей гуманистической социологии является пристальное внимание к таким вещам, которые могут показаться скучными или недостойными научного внимания для тех, кто не обладает широким фокусом исследовательского интереса. «Все, что относится к человеческому бытию, каким бы банальным оно не казалось, может стать значимым для социолога» [8, с. 151]. Поэтому и среди уже описанных выше исследований так много экзотических, начиная с карьеры гермафродита до траектории умирания и смены идентичностей умалишенного. Их трудно втиснуть в рамки отдельных направлений социологического знания.

Тем не менее, попытаемся систематизировать области возможного интереса по отраслям социологического знания.

Какие проблемы могут стать фокусом исследовательского интереса в разных областях социологии?

Наиболее общий ответ на этот вопрос заключается в следующем: есть отрасли социологии, которые закономерно являются сферой применения качественных методов, другие используют их ограничено.

К числу первых относятся девиантология, тендерные исследования, социология семьи, социология личности, социология культуры, те области, где центральным объектом интереса является индивид как носитель социального и индивидуального опыта.

Другие области, ориентированные преимущественно на изучение социальных институтов, используют эти методы ограничено: это индустриальная социология, социология социальных изменений, социальной стратификации, социология политики. Как правило, в этих сферах качественные исследования служат частным фрагментом рассмотрения более общих проблем и используются для конкретизации полученных результатов.

В *девиантологии* исследователи описывают жизненные практики людей, оказавшихся в нетипичной или уникальной социальной ситуации. Аспектом интереса является ориентация на понимание жизненного опыта этих людей и попытка объяснить их психологию. Наиболее широко в этой области используется тактика изучения истории жизни: история гермафродита (Garfinkel H., 1967 [81]), история жизни проститутки (Heyl B., 1977 [91]), профессионального вора (Sutherland E., 1937 [115]), потребителя героина, окончившего жизнь самоубийством (Hughes H., 1961 [93]), история пяти братьев-преступников в Чикаго в 20-е годы (Shaw C., 1938 [107]), история городского пьяницы (Spradley J., 1970 [112]).

В российской практике наиболее удачным в этой области является исследование В. Журавлева «История жизни бомжа», которая демонстрирует влияние социального контекста советской системы и правоохранительной системы на превращение мальчика из благополучной семьи в типичного бомжа. Эта история жизни, скорее, экстремальный случай, что и делает его интересным для анализа. Тактика истории жизни позволяет рассмотреть процесс поэтапно, в развитии, раскрыть причины, способы воздействия социума и последствия для главного героя истории [18]. В представлении жизненной истории бомжа широко используются цитаты из интервью с ним, что позволяет также проанализировать нравы и законы, язык девиантной среды.

Гендерные исследования (gender — социальный пол) — это относительно новая область российской социологии, изучающая различия мужских и женских моделей поведения и их вариативность в определенных социальных контекстах [83, 30]. Эта область преимущественно рассчитана на качественные методы, при этом используются разнообразные тактики: кейс-стади, истории жизни, истории семьи.

В отечественной практике основной интерес практиков направлен на изучение особенности мужской и женской идентичности в разные периоды российской истории. М. Малышева [29] в своем исследовании «Идентификация женщин в послевоенной и посткоммунистической России» поставила перед собой цель «глубже проникнуть в индивидуальную психологию и идентификационные сдвиги двух поколений». Историями жизни двух женщин — матери и дочери — она демонстрирует очевидный поколенческий разрыв в видении гендерных ролей, который имеет своей основной причиной исторический и идеологический контекст различий их социального опыта.

Е. Мещеркина [33], используя коллекцию историй жизни, в своей работе демонстрирует способы построения мужской идентичности при помощи различных агентов социализации в советский период (семья, школа, группа сверстников, военно-спортивные лагеря, масс-медиа, армия, возможно, тюрьма), а также современные типы мужской идентификации. Основной интерес исследователя: как существующие локально, в жизненных практиках, типы маскулинности (мужественности) получают (или не получают) подкрепление на уровне социальных институтов, где мужское доминирование как социальный тип пронизывает все сферы: систему разделения труда, идеологию масс-медиа, систему образования.

Публичное обсуждение проблем сексуальности привело к появлению целого ряда работ по проблемам мужского и женского сексуального опыта (Е. Герасимова. «Вербализация сексуальности: разговоры с партнером о сексе», А. Роткирх. «Сексуальные биографии женщин двух поколений. Первая попытка сравнения России и Финляндии», Т. Бараулина, А. Ханжин. «Конструирование мужской сексуальности через презентацию биографического опыта в интервью» [11]).

В социологии семьи качественными методами изучают взаимоотношения поколений в основном как канала передачи социального опыта, типов семейной культуры (языка, мифов, традиций, религии, социального статуса), а также модели семьи, семейные роли, семью как агент социализации, проблемы детства и семейной памяти. Тактикой исследования служит история семьи, история жизни или кейс-стади.

Как и в других сферах применения, качественные исследования ориентированы здесь прежде всего не на выявление общих закономерностей, а больше на обнаружение отклонений, специфику проявления феноменов в определенных ситуациях. Например, как происходит (или не происходит) передача семейной культуры в экстремальной ситуации, когда внешнее влияние со стороны общества препятствует воспроизведению принятых образцов семейного поведения (влияние нацистского режима или авторитарной системы в восточноевропейских странах); как проблема умолчания о семейных секретах влияет на становление следующего поколения; как семьи пытаются адаптироваться к новой социальной ситуации в случае миграции или социальной революции. Для примера можно назвать исследование немецкого социолога Л. Иновлоки «Бабушки, матери и дочери: межпоколенная передача социального опыта в перемещенных еврейских семьях в трех еврейских общинах» [94].

Упомянутая проблема умолчания, в частности для евреев, связана с тяжелым периодом преследования семьи нацистами. Нежелание рассказать о тягостном прошлом своим детям и внукам по-разному воспринимается представителями следующих поколений семьи. На примере трех кейс-стади автор иллюстрирует три стратегии: интеграция в новое национальное окружение и потеря еврейской идентичности последующим поколением;

разрушение семейных связей между бабушкой, матерью и дочерью вследствие умолчания о прошлом; вступление в местную еврейскую общину для поддержания общей позиции умолчания о прошлом.

В *социологии личности* важный аспект качественного подхода — исследование проблемы идентификации (способы формирования и динамика изменений индивидуальных идентичностей), а также способы проживания жизненных циклов (детство, юность, зрелость, старость) в разных социальных контекстах [90, 77].

Глен Элдер в своей известной книге «Дети Великой Депрессии» демонстрирует, как жизненный опыт переживания экономического кризиса в конце 20-х годов повлиял на индивидуальные жизненные пути тех, кто испытал этот опыт в детстве: какие социально-психологические качества сформировались вследствие жизненного краха родителей; как люди формировали стратегии своего семейного и профессионального поведения; какие траектории жизни они выбрали для своих детей; как избегали рисков в дальнейшем.

При анализе идентификации интерес направлен прежде всего на поворотные моменты смены идентичностей (причины, способы, следствия), а также на исследование самоопределения людей в специфическом или уникальном контексте.

В этом отношении классическим примером может быть работа Олпорта «Письма Дженни», о которой мы уже упоминали. Из других исследований личности в уникальных обстоятельствах можно назвать изучение траектории умирания (Strauss A. and Glaser B., 1967 [85]) или исследование влюбленной женщины (Schwartz Y. and Merten D., 1980 [106]).

Областью специального интереса могут стать также решающие моменты биографии, жизненные кризисы, которые вследствие одного события или факта кардинально меняют жизненную траекторию (болезнь, смерть близких, развод, миграция, социальный кризис) и ведут к перелому в социальной карьере или внутренней изоляции личности.

Социология культуры концентрирует внимание на особенностях, специфике повседневной практики определенного сообщества в сравнении с большинством населения, используя для этого тактику этнографического исследования. Это может быть культурная практика определенного сообщества, меньшинства, существующего в условиях давления со стороны господствующей культуры: национальное меньшинство, субкультура окраин или сельская культура в условиях урбанизированной среды, культура маргиналов, мигрантов, молодежные субкультуры.

Аспект специального интереса — воплощение определенных типов культуры в индивидуальных моделях, наиболее ярко, экстремально выражающих характерные черты данной культурной практики.

Так, в уже упоминавшемся исследовании О. Левиса «Пять семей» каждая из семей описывает определенный вариант, тип деформации традиционной мексиканской культуры и становления индустриальной урбанизированной культуры современной Мексики [97].

Качественный подход используется и в других областях социологии, там, где необходимо изучение вариативности, частного, отклоняющегося, а также при исследовании субъектов деятельности.

Так, в *индустриальной социологии* это изучение процессов зарождения и развития рабочего движения (через изучение деятельности профсоюзных активистов, участников и организаторов забастовок). В отечественной социологии с позиций качественной методологии изучалось забастовочное движение (проект Н. Козиной [24]).

Качественный подход для изучения экстремальных ситуаций в производственной сфере часто используется западными социологами. Классический пример — исследование П. Лазерсфельдом безработных в Мариентале [95]. Проблемы конкретных трудовых коллективов: производственные конфликты, структура властных отношений, система статусов и скрытые авторитеты — изучаются тактикой кейс-стади.

Сферой интереса могут стать и индивидуальные трудовые карьеры (work history): поворотные моменты и кризисы трудовой карьеры, влияние факта безработицы на трудовой путь; изменения на рынке труда и трудовые стратегии, семейные стратегии и трудовые карьеры; а также субъективные трудовые ценности, проблемы профессионального выбора, смены места работы и профессиональная мобильность.

В *социологии политики* традиционно качественными методами изучают становление, развитие и последствия политических движений. Обычно используются глубинные интервью с организаторами, участниками и очевидцами политических событий и политических

кампаний в тактике Устной истории. Многочисленные исследования студенческих волнений конца 60-х годов в США являются хорошей иллюстрацией этого типа исследований.

Особо подчеркнем применение качественных методов в изучении **социальной мобильности**. Фактически возник новый аспект проблематики в этой традиционно-количественной области социологии: изучение семейных социальных стратегий — Д. Берто и И. Виам-Берто [10]; проблема социального статуса и социальной мобильности женщин — М. Малышева [29]; падение семейного статуса в результате социальной революции и адаптация к послереволюционной ситуации — Р. Андорка [52], Е.Фотеева [38]; тип семейного жилья как отражение социального статуса — П. Томпсон [57].

Урбанистика представляет следующую область активного использования качественных методов. Большие города и их дезорганизирующее социальное влияние, анонимное и пугающее социальное окружение, молодежные банды, нищета, опыт недавних мигрантов — все эти темы, требующие глубинного рассмотрения, широко представлены в социологии города, начиная со времен Чикагской школы.

Преимуществом качественных методов является свойство фиксировать процессы в динамике, в ретроспективе причинно-следственных связей, что непосредственно совпадает с ориентацией **социологии социальных изменений**. Здесь внимание направлено прежде всего на исследование изменений в локальных сообществах: семье, малой группе, на изучение стратегий адаптации к условиям резких социальных перемен.

Выводы:

- ❑ Итак, поле возможностей качественных методов чрезвычайно широко и может быть структурировано по тактикам анализа и методам, а также сферам применения в разных областях социологического знания.
- ❑ «Качественное» исследование по объекту интереса — каждодневная практика людей, которая существует в реальности как вариативная и социально-конкретная — как бы напоминает журналистское исследование. Но только социолог-профессионал достаточно подготовлен для того, чтобы концептуализировать живую реальность в понятиях соответствующих социальных теорий. Поэтому в ходе исследования он обязан следовать определенной логике и придерживаться определенных правил научного подхода.
- ❑ Мы столь подробно остановились на проблеме использования качественных методов не только для демонстрации возможностей этой методологии, но и для того, чтобы показать, как творчески и изобретательно исследователи подходят к богатству социальной практики, ищут нетрадиционные аспекты изучения социальных проблем, используют новые средства для их изучения исходя из своих научных целей и задач.

Вопросы для обсуждения:

- Каков фокус биографического исследования?
- Какие принципы лежат в основе тактики «восхождения к теории»?
- Какие группы могут быть изучены средствами этнографического исследования?
- Что в первую очередь исследуется в тактике кейс-стади?
- В чем вы видите основные отличия каждой из тактик?

Рекомендуемая литература:

Об этнографическом исследовании: Романов В. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии».

О методе кейс-стади: Козина И. Особенности применения стратегии «изучения случая» при изучении производственных отношений на промышленном предприятии.

Об истории жизни и истории семьи: Судьбы людей. Россия. XX век / Под ред. Семеновой В. В. и Фатеевой Е. В.; Биографический метод: история, методология, практика. Под ред. Мецержкиной Е. Ю. и Семеновой В. В.; Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений.

О фокус-группе: *Белановский С. А.* Метод фокус-групп.

О нарративном интервью: *Журавлев В.* Нарративное интервью в биографических исследованиях.

О полуструктурированном интервью: *Веселкова Н. В.* Методические принципы полуформализованного интервью.

Об анализе неформализованных документов: *Козлова Н. Н.* Документ жизни: опыт социологического чтения.

О возможностях качественной методологии: Возможности использования качественной методологии в тендерных исследованиях / Под ред. *Мальшиевой М. М.*; Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Под ред. *Воронкова В. и Здравомысловой Е.*; *Голофаст В.* Многообразие биографических повествований.